

Источник: Жалоба влюбленной. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник // Шекспир В. Полное собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М.-Л.: Гослитиздат, 1949, Т. 8. С. 597-608. + комментарий и примечания. С. 654.

597

ЖАЛОБА ВЛЮБЛЕННОЙ

ПЕРЕВОД

Т. Л. ЩЕПКИНОЙ
КУПЕРНИК

599

С высот холма смотрел я в мирный дол,
Откуда эхо с чьей-то скорбью дальней
В одно сливалось. Я на стон пошел
И вот – увидел девы лик печальный:
Она ломала перстень обручальный,
Рвала письмо на части за письмом
И бурей слез смущала всё кругом.

Простой убор, сплетенный из соломы,
От солнца защищал ее черты;
В них сквозь туман печали и истомы
Виднелся отблеск прежней красоты. 10
Недавних дней увядшие цветы
Еще не скрыло злого горя бремя;
Работы юности не стерло время.

К глазам своим порою подносила
Она расшитый буквами платок,
И заставляла течь страданья сила
На шелк узорный горьких слез поток.
Читала вновь узоры лживых строк
И изливала горечь чувств мятежных 20
То в тяжких стенах, то во вздохах нежных.

Порой, как будто небу угрожая,
Ее глаза темнели, как гроза;
Порою, ничего не выражая,
Глядели в землю бедные глаза;
И вдруг опять сверкала в них слеза,
Иль взор они рассеянно кидали –
То здесь, то там раздумчиво блуждали.

600

Убранство кос, невольный беспорядок –
К себе небрежность выдавали в ней;
Вдоль бледных щек вились одни из прядок;
Другие, сеткой схвачены плотней,
Не вырывались из тюрьмы своей,
Хотя тяжелый узел их небрежно
Едва завязан был рукою нежной.

30

Она кидала прочь в речные недра
Безделок тьму: янтарь, жемчуг, хрусталь,
И влагу слез примешивала щедро
Ко влаге струй безмерная печаль.
Порой монарху так щедрот не жаль
Для роскоши, что всё иметь желает,
И жаль для нищеты, что умоляет.

40

Она, вздохнув, кидала вглубь теченья,
Перечитав, записок нежный пыл;
Ломала дорогие украшения
И их, как в гроб, бросала в вязкий ил.
И письма те, чью тайну воск хранил,
Она достала, писанные кровью,
Обернутые в мягкий шелк с любовью.

Целуя их, в слезах она твердила:
«Кровь нежных клятв! О, ты здесь лжешь сама!
Да; не были б и мрачные чернила
Черней, чем лжи твоей преступной тьма!»
Тут, вне себя, порвав листки письма, –
Их содержанье превратила дева.
В ничто своей несдержанностью гнева.

50

Почтенный человек, что знал когда-то
Иную жизнь, здесь пас свои стада.
В придворной суете он жил богато,

Но кинул свет и проводил года, 60
Следя, как дней сплывает череда.
Он, к бедной деве полон состраданья,
Хотел узнать, о чем ее рыданья.

601

Он взял свой посох, сел невдалеке
И стал просить бедняжку – без смущенья,
Коль в силах он помочь ее тоске,
Открыть ему причину огорченья.
Он рад ей дать, чем может, облегченье;
Заране для нее отказа нет:
Ведь доброта – преклонных свойство лет. 70

Она в ответ: «Отец почтенный мой,
Вы видите несчастное созданье.
Но не от лет я сделалась такой:
Увы, меня состарили страданья!
Могла б я быть цветком очарованья,
Когда б души не отдала, любя
Другого много больше, чем себя!

«Но горе мне! Вяла я лести сладкой,
Красавца соблазнительным речам.
Как был хорош он! Все глаза украдкой 80
Приковывал восторг к его чертам.
Когда любовь утратила свой храм,
Он, верно, избран был служить ей кровом,
Подняв ее обожествленьем новым.

«О темный шелк кудрей! О красота!
Ласкало их зефира дуновенье,
Когда ж они свевались на уста,
То лаской было их прикосновенье.
Его увидеть было – упоенье,
И на земле здесь воплощалось в нем, 90
Чтоб может рай в сиянье дать своим.

«Лица едва коснулась возмужалость,
И пробивался феникса¹ пушок,
Чуть оттеня бархатною алость
Из-под него сквозивших нежных щек

Но лик его сильнее этим влек;
 Вставал вопрос: что больше сердцу мило –
 Так, как теперь, иль как недавно было?

«Он был учтив, как и хорош собою;
 Но хоть на вид и, мягок и стыдлив,
 Немедленно сумел бы стать грозою,
 Задень его мужчина, оскорбив, –
 Грозой, чей в мае так хорош порыв!
 И юность в нем умение быть суровым
 Таила под пленительным покровом.

100

«Как ездил он! Казалось, гордый конь
 Ему повиновался с наслажденьем.
 «Вот ход! Вот лёт! Вот сила! Вот огонь!
 Преграды все берет без затрудненья!» —
 Тут многие пускались в рассужденья:
 От ездока ль заимствовал он пыл,
 Иль от коня наездник лучше был?

110

«Но вскорости сходились все решенья:
 Не конь – ему, а он, наоборот,
 Нисколько не нуждаясь в украшенье,
 Всему, к чему коснется, придает
 Невольный блеск особенных красот;
 Он украшенья затмевал красою,
 А недостатки – скрашивал собою.

«Владел он красноречьем вдохновенно:
 Заговорит – уж ждет его успех.
 Он знал слова, чтоб превратить мгновенно
 Улыбку в слезы, слезы в звонкий смех;
 Смутить ли, убедить – умел он всех.
 В ловушку воли – думы, чувства, страсти
 Поймав, умел в своей держать он власти.

120

«Кумир равно и молодым и старым,
 Царил в сердцах у женщин, у мужчин;

Все рабски покорялись дивным чарам.

Он над сердцами властвовал один; 130
Для всех он был мечтаний властелин:
Ловили мысль, угадывали взгляды,
Его желаньям подчиняться рады.

«Иные думали прогнать тоску,
Портрет его храня в восторге жарком;
Так иногда скитальцу-бедняку
Фантазия роскошным даст подарком
Им виденный богатый замок с парком:
И счастлив им безумец тот полней,
Чем сам богач с подагрою своей. 140

«Так, не коснувшись до его руки,
Таили многие свои мечтанья,
Считая, что душе его близки...
Меня ж, тогда свободное созданье, —
Пленило свойств различных сочетанье:
Я цвет души дала ему, стубя,
Оставив жалкий стебель для себя.

«Но не брала примера с дев несчастных:
О нежности не умолял мой взгляд;
Спасая честь, бежала чар опасных: 150
Я понимала их волшебный яд,
Я видела сердец пронзенных ряд,
Служивших лишь минутною забавой,
Фальшивой драгоценности оправой!

«Увы, кому к назначенной печали
Чужой пример препятствовал идти?
Где счастья ждешь, кого бы испугали
Опасности, что встретишь на пути?
Где воли крик, совету не спасти;
Где страсть царит, совет нередко боле 160
Лишь заостряет устремленье воли.

604

«Но будет неминуемо плохим
Для нашей страсти удовлетвореньем,
Коль нашу кровь насильно укротим,
Склонившись пред разумным убежденьем:
Боясь вреда – расстаться с наслажденьем.
Запретный плод всегда милей для нас,

Хоть разум плачет: «Твой последний час!»

«Я знала о бесчисленные обманах,
О том, что ложь в себе он воплотил,
О нанесенных ложной клятвой ранах,
О том, что ложь он лаской золотил,
Свои цветы в чужих садах растил;
Что в письмах и словах таил соблазны,
Что сердца помыслы в нем были грязны.

170

«Я знала всё – и защищалась я,
Пока иной он не повел осады:
«Не бойся же, любимая моя, –
Он говорил: — Здесь я молю пощады...
Я сам доселе не просил отрады,
Хоть часто был на пир любви я зван:
Одной тебе – любовь, а не обман.

180

«Что знаешь ты, всё – бред пустой игры:
Тут не любовь, а жажда наслажденья,
Где оба не верны и не добры,
Где не души, а крови заблужденье.
Нашел позор, кто сам искал паденья:
Чем их упреки, чем их стыд сильней,
Тем меньше в этом всем вины моей.

«Никто, как ты, мне сердца не зажег,
Хоть видел красоту я – лгать не смею;
Итак никто пленить меня не мог:
Я скорбь дарил, но сам не знался с нею.
Я все сердца рядил в свою ливрею,

190

605

Но, гордою душой свободен сам,
Повелевал им только, как рабам!

«Вот перлов белизна, рубинов кровь.
Взгляни: их женщины несли мне данью,
Они мечтали мне внушить любовь
И подсказать ответ их ожиданью,
Чтоб, вторя их стыду или страданью,
Мне бледность перлов, алый цвет камней
Открыли тайну сердца их полней.

200

«Вот локоны: их в талисман сплетая,

В слезах меня принять просили их.
В их шелке нить мерцает золотая
В сопровожденье камней дорогих;
И каждому служба оправой, стих
Повествовал в изысканном сонете,
Каким владеют свойством камни эти. 210

«Вот, видишь ты, колец бесценных звенья:
Вот символ гордой твердости – алмаз;
Вот изумруд, несущий исцеленье
В дуче зеленом для померкших глаз;
Сапфир синей небес; опал; топаз;
И каждого таинственно значенье:
В нем острый смысл – улыбка, огорченье.

«Трофеи эти мне даны судьбою
От страстных душ, от пламенных сердец,
Чтоб я их отдал все, с самим собою, 220
Тебе – мое начало и конец,
А не берег ревниво, как скупец!
Я – их алтарь: тебе, моей богине,
Все эти жертвы приношу я ныне.

«Дай руку несравненною твою,
Чья белизна превыше восхваленья!
Сокровища – тебе передаю:

606

Их освятили вздохи и моления.
Возьми же и меня, без разделенья!
Прими дары; внемли моей мольбе: 230
Хочу, как жрец, служить одной тебе!

«Смотри: вот дар монахини прекрасной.
Цветы затмила красотой она.
Придворных цвет о ней, в надежде страстной,
Мечтал; но, равнодушия полна,
Она к мольбам осталась холодна
И в монастырь ушла, чтоб в келье тесной
Служить иной любви, любви небесной.

«Но доблестно ль покинуть без труда
Немилое? Отдать без сожаленья 240
То, чем мы не владели никогда,

Бороться там, где нет сопротивленья?
Но, позабыв, что хитрость отступленья,
А не борьба спасла ее в бою,
Бедняжка восхваляла честь свою.

«Мы встретились. Она мне покорилась
В единый миг (прости мне похвальбу!),
Религия немедленно смирилась:
С любовью не могла вступить в борьбу.
Она хотела победить судьбу,
Хотела изменить свою природу –
И что ж? Рвалась из кельи на свободу!

250

«Разбитые сердца в мой водоем
Вливали страсть; а я, поток мятежный,
Весь растворюсь в величии твоём,
Вольюсь струей в твой океан безбрежный.
Пусть холод твой заменит страстью нежной
Их пылких чувств бушующий прибой.
Их победитель – побежден тобой!

«Как ни молилась, умерщвляя плоть,
Святая, я смутил ей жизнь, к несчастью.

260

607

Узнав меня, не в силах побороть
Себя самой, склонилась перед страстью.
Амур-владыка! Пред твоею властью
Честь, долг, обеты – всё падет в борьбе:
Ты – всё; и всё принадлежит тебе.

«Что значит перед натиском твоим
Примеров полинявших обветшалость?
Перед тобой растает всё, как дым:
Родство, богатство, честь, – какая малость!
Девиз твой: прочь рассудок, страх и жалость!
Зато награду ты в себе несешь
За горечь слез, за скорбь, за труд, за ложь.

270

«Все те сердца, что сила роковая
Мне отдала, клянут мою судьбу.
За скорбь мою тоскою изнывая,
Со мной тебе шлют вздохи и мольбу.
Имей же жалость к своему рабу,

Склонись ко мне, внемли души страданью
И клятвы все прими ты вечной данью!» 280

«Сказавши так, он опустил глаза
(До той поры в меня вперял он взгляды);
Не мог сдержаться: за слезой слеза
Вдоль щек струились, как с горы – каскады.
И так, как сквозь стеклянную преграду
Алеет в окнах пламя алых роз,
Румянец щек пылал сквозь влагу слез.

«О, целый ад каких-то чар опасных,
Отец, в одной слезе его был скрыт;
Перед потоком слез из глаз прекрасных, – 290
Хоть камнем будь, – как сердце устоит?
Какой же лед не будет им разбит?
Двойная власть: и холод и волнение,
Огонь страстей – и тут же охлаждение.

608

«В своих волнах мой разум утопила
Страсть лживая, склонив меня во прах.
Тут я покров свой белый уронила,
Прогнав рассудок, позабывши страх,
Как он, и я вся изошла в слезах;
Но разница была в слезах смятенья: 300
В его – мне яд, в моих – ему спасенье!

«С притворством необычного искусства
Уловки хитрости сплетались в нем:
Он то как будто бы лишался чувства,
То весь бледнел, то вспыхивал огнем;
И быстро так менял свой вид при том,
Что верилось невольно тем страданьям,
Румянцу, вздохам, бледности, рыданьям!

«О, сердца нет, что б в гибельную сеть
Он не завлек путем очарованья: 310
Губил он тех, кем он хотел владеть,
Под маскою любви и состраданья.
Пылая грешной жаждой обладанья,
Пел чистоту, стремился к небесам,
То осуждал, чего желал он сам!

«Но сатану сиянием своим
Скрывал небесный блеск его покрова.
Злой дух прекрасен был, как херувим!
Могла ль невинность ожидать иного?
И вот сдалась я... Но, увы, готова
Я и теперь вопрос себе задать:
Что если б это пережить опять?

320

«О, влажный блеск предательских очей,
Жар темных щек, и вздох, и лепет каждый!
Вдруг вновь он в жизни явится моей –
Обман, что утолял всю муку жажды?
Вновь вкрадется к обманутой однажды?
Увы! Боюсь, что я не устою
И снова жизнь отдам ему свою!»

654

ЖАЛОБА ВЛЮБЛЕННОЙ

Эта небольшая поэма, датировка которой очень неясна, была в первый раз напечатана в качестве приложения к первому изданию сонетов 1609 г. Хотя многие критики сомневаются в принадлежности ее Шекспиру, вполне возможно, что это – раннее его произведение, опубликование которого по неизвестным нам причинам задержалось. Метрически *Жалоба влюбленной* чрезвычайно близка к *Обещанной Лукреции*.

¹ Феникс здесь – метафорически, в значении: дивное, несравненно существо.